

Случай Овадиса

Уезжая в Канаду, он еще не знал, что это опыт совсем другой жизни

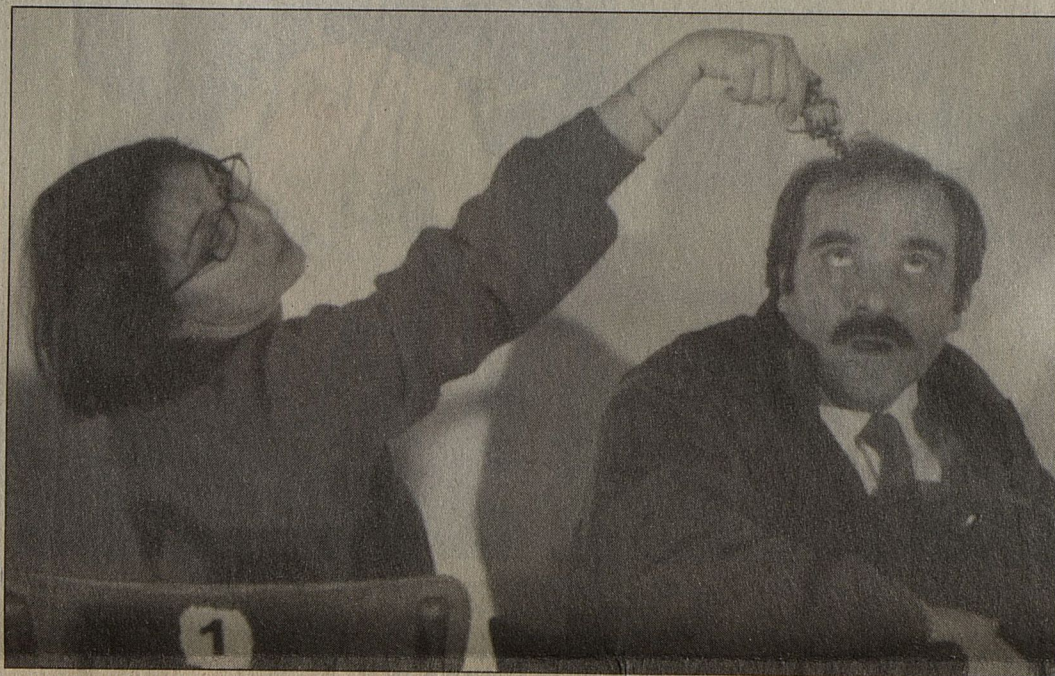
Нам с детства вдалбливали, что «искусство не знает границ» и «его язык понятен всем». Но в этом столь любимом советским агитпропом жизнеутверждающем тезисе явно был заложен другой масштаб — как минимум Эйзенштейна или Ансамбля Моисеева. А вот как, скажите, абстрагироваться от границ и чужого языка обыкновенному, пусть и талантливому, артисту. Тем более что русская театральная среда всегда была особой планетой, на удалении эконо-мического количества километров от нее уже чувствуется нехватка воздуха...

Режиссер и актер Игорь ОВАДИС (родился в Киеве, как артист сформировался в Ленинградском ТЮЗе, многие наверняка еще помнят его по фильму «Профессия — следователь») — это пример на редкость успешной и плодотворной творческой самореализации как раз на абсолютном «удалении». Недавно в Монреале был выпущен буклет-справочник с именами самых известных актеров канадского театра и кино. Увидев там его фотографию с сопроводительным текстом, я окончательно понял, что «удаление» состоялось.

— Про последнюю волну эмиграции говорят — «колбасная». А ты, выходи, уехал спасать свой талант?

— Я уехал начинать новую жизнь — с нуля, хоть таксистом, хоть «поломоем». Потому что прежняя моя жизнь тоже постепенно скатилась к нулю: не было уже не только колбасы, но и элементарного чувства востребованности. Я ни на кого не в обиде. Просто я никогда не умел пользоваться Его Величеством Случаем, от которого очень многое зависит в актерской карьере. Однажды пробовался на роль инспектора Нестора в фильме «Мой любимый детектив» — про Шерлока Холмса. Снимал его Алексей Симонов по сценарию Григория Горина. Там играли Гафт, Татьяна Васильева... Пробы прошли успешно, все было довольно и счастливо. Но потом вдруг приходит Горин и спрашивает: «А зачем им два Гафта?» И меня не взяли... Вот тебе мой самый «долгоиграющий» случай.

...Переехав вместе с перестройкой из Ленинграда в Москву, я начал работать в Театре кукол на Спартаковской. Сделал там два спектакля. Публики никакой. Чтобы, к примеру, понять «Подпоручика Киж», надо как минимум знать, что Екатерина II была мамой Павла I. А в зале сидели люди, не знавшие русскую историю, абсолютно не понимавшие, о чем идет речь, и я чувствовал, что они меня ненавидят... К тому же половина труппы — члены общества «Память». Вокруг все время какой-то шепоток: пришли евреи в наш театр уничтожать русскую культуру. Жил с ощущением, будто я постоянно что-то у кого-то отбираю...

Русские играют на французском: Мария Монахова и Игорь Овадис в спектакле «Не бросайте пепел на пол» по пьесе Елены Скороходовой (режиссер Александр Марин). Театр «Вторая реальность» («Deuxième realite»), Монреаль (Канада), 2002 г.

Когда приехали сюда, в Канаду, ни о какой работе в театре не было и речи. Даже если «возьмешь» язык, ласково предупреждали русские знакомые, акцент тебе не одолеть никогда... Канадцы — те, напротив, сумели приободрить... В Канаде вообще очень много удивительных людей и очень мало цинизма и черствости.

Поначалу нам помогали старые друзья — чета небогатых артистов-кукольников из квебекской глубинки. Потом вдруг позвонила директор начальной школы и сказала, что, если мы к рождеству сделаем кукольный спектакль, она его у нас купит. Я никогда не водил кукол: в Москве, на Спартаковской, кукла взаимодействовала с живым артистом. Так что сначала я сказал: «нет». А потом, как всегда, начал работать. Мы с женой собирали по помойкам куски картона, мастерили кукол и декорации. Получился 20-минутный спектакль «О рыбке и рыбке». Мы «погрузили» его в крохотную «рено-5» одного приятеля и отправились в далекое Сагенэ, самое сердце провинции Квебек, куда еще не ступала нога русского артиста. Смотрю в зал — одни «трудные» подростки, все разукрашенные, в наколках. «Шас нас съедят», — думаю. Но они смотрели с удовольствием. Этот спектакль кормил нас целых два года, мы, как трубадуры, объездили с ним весь Квебек.

А потом в моей жизни появился еще один хороший человек — директор монреальской Консерватории драматического искусства Раймон Клутье. Он исхитрился уволить одного спившегося «постоянного профессора», что в здешней системе почти невозможно, и взял на его место меня. Но случилось это

уже после того, как я за два месяца поставил со студентами «Мадемуазель Жаир», о которой сам автор бельгиец Гелдероде сказал, что боится ее перечитывать. Я спросил студентов, почему они выбрали именно эту пьесу? — Это самое непонятное из всего, что мы прочли... Хорошо, ставим. Я по-французски ни бум-бум, переводит жена. Стараюсь демонстрировать спокойствие, пытаюсь при этом еще как-то преподавать систему Станиславского, о которой здесь, несмотря на горы прочитанных книг, имеют такое представление, что лучше бы вообще не имели... Был нешуточный успех. Вот так я и нашел здесь свою «нишу». Все тот же Случай...

— А утвердиться в качестве актера и режиссера — только ли творческих усилий это требовало?

— Психологических тоже. При этом — колоссальных. В Монреале ведь живет много русских артистов. Одних только режиссеров, по-моему, — шесть, причем все — работающие. Коллег с каждым годом все прибывает: если раньше на кинороль русского эмигранта было два претендента, то теперь — сто два. Так что конкуренция между нами намного более болезненная, нежели между «коренными». А я конкуренции вообще никогда не любил. Режиссеру, на мой взгляд, вообще ни к чему давать много выбора, он должен заранее отдавать предпочтение конкретному артисту. Тому, кому доверяет. В этом плане здесь тоже все по-другому. Режиссеры кино здесь в театры не ходят, артистов для проб не ищут. Для этого существуют агенты. Режиссер жлет, когда ему предложат что-нибудь готовенькое, и только выбирает: по фотографиям, по ви-

део или по идиотским пробам «на месте». Первый раз меня здесь пробовали в кино на роль под названием «Славянский живописец». Я спрашиваю: скажите хоть, что за человек-то? Они говорят: вам же сказали — «славянский живописец», играйте его. Ну, я проговорил текст. — «Мы думали, это должно быть «пожестче». — А-а, так значит, мы все-таки обсуждаем характер?.. Короче, меня не взяли — давал слишком много вопросов. Пришел какой-то поляк и сыграл «живописца» так как надо.

— Тебя никогда не посещала мысль, что, останься ты в России, мог бы поставить и сыграть много больше?

— Ничего подобного! За 20 лет работы в Союзе я не сыграл столько интересных, больших и сложных ролей, сколько здесь за 5 лет. Первую роль, сыгранную в Канаде, — Лапахина, на родине мне никто бы и не предложил. Я по сути впервые прикоснулся к Чехову и должен был задуматься сам: «Как это играть?». Потом были гелльмановская «Скамейка», «Дядюшкин сон» Достоевского, «Семь персонажей в поисках автора» Пиранделло... Да что перечислять.

— А потом ты вдруг заиграл на французском...

— К тому моменту я уже художественно научился и преподавать на французском, хотя акцент и вправду одолеть не удается. Уж коли мы здесь живем, надо играть не только для русского гетто.

— И твой акцент не мешает местному зрителю?

— Напротив, они очень даже любят вот такое немножко другое звучание. Главное — они хотят слушать, абсолютно лишены высокомерия, не стесняются чего-то не

знать или не уметь. Они, прости за банальность, открыты для искусства. И зрители, и студенты — все!

Мой учитель Зиновий Корогодский никогда не принимал в театральную школу после 18 лет, считая, что это безнадежно поздно. Наверное, он прав: в СССР было невозможно человека, с детства закованного в панцирь, высвободить из него в зрелом возрасте. Как сейчас в этом плане в России — не знаю, не думаю, что многим лучше. Здесь, в Канаде, можно спокойно принимать и в 18, и в 20, и в 25, здесь люди с детства обладают внутренней свободой, а следовательно, способностью к самостоятельному восприятию искусства. Здесь человек не привык стесняться своих слов, жестов, слез... В России же — и дома, и на улице — вас все вокруг постоянно учат — как и что делать. Ты с детства живешь мыслью о том, как бы не совершить очередного проступка.

В Канаде проблема в другом — в отсутствии у публики привычки ходить в театр. Здесь скорее заплатят сто долларов, чтобы сходить на хоккей, чем двадцать — ради спектакля. При том что местные театры, особенно монреальские — стремительно развиваются.

— Каковы твои впечатления от «русской диаспоры» в Канаде?

— Среди русских эмигрантов, в том числе «четвертой волны», очень много хороших людей. Но есть и такое понятие — «русская среда». Погруженные в нее всем недовольны, а в особенности тем, что благотворительная организация под названием «Канада» им постоянно чего-то недодает, в чем-то обделяет. А то, что при этом я, официально не работая и получая пособие, имею левые дивиденды с доходных домов, зарегистрированных на имя троюродной тети, — это нормально. Как и то, что Игорь Овадис и другие «по-белому» работающие люди оплачивают это пособие как налогоплательщики. Для этой публики в Канаде соль — не соленая, сахар — не сладкий, вода — не мокрая... Наверное, это такой способ самозащиты. Попадая в благополучную страну из своей собственной, некогда великой, а ныне — униженной и оскорбленной, бывший «совок» тут же принимает стойку: подумаешь, у нас тоже такое есть, и даже лучше, а в области балета мы вообще впереди планеты всей... Наш человек с детства привык всем гордиться, в том числе уровнем дерьма, в котором он жил.

— Так кто ты сейчас — русский актер или канадский?

— С самоидентификацией у меня проблем нет: я — русский артист из Монреаля. Культурная основа, если таковая в тебе имеется, не варьируется в зависимости от места жительства.

Борис ЮНАНОВ
Монреаль — Москва

Овадис Игорь

15.5.02